

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Т. А. Воронцова

Удмуртский государственный университет

Активное изучение агрессии как явления речевой коммуникации связано в первую очередь со сменой приоритетов в языкознании второй половины XX века: структурная лингвистика уступает место функциональной; господствующим принципом становится принцип антропоцентризма. Лингвистика активно обращается к междисциплинарным проблемам. В частности, проблема оптимизации общения становится одной из центральных в лингвистических исследованиях, а речевая агрессия рассматривается как один из наиболее актуальных ее аспектов. Практически любая работа, посвященная вопросам коммуникации, так или иначе касается проблемы агрессии в речи. Проводятся специальные тематические конференции, выпускаются сборники, посвященные данной проблеме [1; 2; 3 и др.]. При этом остается открытым вопрос о том, есть ли у лингвистики собственный предмет исследования при изучении агрессии в речи.

На то, что статус речевой агрессии как лингвистического явления представляется весьма неопределенным, указывает ряд факторов.

Во-первых, обращает на себя внимание многообразие используемых терминов: наряду с наиболее распространенным словосочетанием *речевая агрессия* используются такие словосочетания, как *вербальная агрессия*, *языковая агрессия*, *словесная агрессия*, *коммуникативная агрессия*, причем, разные словосочетания могут встречаться в пределах одной статьи. Нередко варьируется и второй элемент: *агрессия – агрессивность*.

Во-вторых, само понятие агрессии не имеет в лингвистике более или менее четкого определения. При узком понимании агрессия в речи рассматривается как *речевой акт, замещающий агрессивное физическое действие*: оскорбление, насмешка, угроза. При широком понимании под словосочетанием “речевая агрессия” подразумеваются все виды *доминирующего речевого поведения* [4].

В-третьих, само явление речевой агрессии оценивается в лингвистической литературе неоднозначно. С одной стороны, пафосом большинства работ, так или иначе связанных с данной пробле-

мой, является явный или скрытый призыв к борьбе с речевой агрессией во всех ее проявлениях, с другой, – речевая (вербальная) агрессия рассматривается как вполне приемлемое речевое действие, способствующее эмоциональной разрядке [5; 6 и др.] или как проявление “пробивных” стратегий в деловой коммуникации [7].

Все эти противоречия, список которых можно продолжить, свидетельствуют, с одной стороны, о том, что речевая агрессия – это гораздо более сложное и многоаспектное явление, чем иногда кажется лингвистам, с другой, – о том, что, несмотря на значительное количество современных исследований, речевая агрессия по-прежнему нуждается не только в оценочной констатации, но и в комплексном изучении.

В большинстве работ речевая агрессия рассматривается как явление лингвопсихологическое, где психологическое понимание агрессии в значительной степени экстраполируется на речевое поведение и с лингвистикой связан только способ выражения (см., например, определение речевой агрессии, представленное в энциклопедическом словаре-справочнике “Культура русской речи”) [8].

Разумеется, понимание речевой агрессии не может быть полностью изолировано от психологического аспекта изучения, но, тем не менее, на наш взгляд, речевая агрессия как коммуникативное явление должна рассматриваться не столько в категориях и понятиях психологии, сколько в категориях и понятиях лингвистики.

Другой подход, который можно обозначить как лингвоэтический, строго говоря, включает в себя социолингвистический, стилистический, лингвоэкологический и тесно связанный с ним юрислингвистический аспекты рассмотрения речевой агрессии. При таком подходе основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно-окрашенная лексика, инвективы, грубо-просторечные слова и т.д.), рассматриваемые с точки зрения этичности их употребления [9–13 и др.].

При этом практика общения делает очевидным тот факт, что речевая агрессия как коммуникативное явление не может рассматриваться без учета

функции высказывания в контексте конкретного дискурса, поскольку именно это определяет роль языковых и речевых средств в коммуникативном акте. Из этого следует, что речевая агрессия как факт речевой коммуникации должна рассматриваться в рамках функционального подхода к языку, центральной проблемой которого, как известно, является «исследование функций изучаемого объекта, вопрос о его назначении, особенностях его природы в свете выполняемых им задач, его приспособленность к их выполнению и т.д.» [14].

При исследовании речевых явлений необходимо учитывать, что отправитель и получатель подходят к тексту по-разному: «Две точки зрения – кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо отграничены». По мнению Р. О. Якобсона, исследователь должен четко представлять, на какой точке зрения он стоит – говорящего или слушающего [15]. В современной лингвистической литературе речевая агрессия рассматривается преимущественно с позиций адресата: во главу угла ставится результат речевых действий (дискредитация речевого партнера, оскорбление и т.п.). В этом случае сама суть речевой агрессии как коммуникативного явления остается «за кадром».

Для того чтобы теоретически обосновать понятие речевой агрессии в качестве универсального коммуникативного явления в собственно лингвистических (а не психологических) категориях и терминах, на наш взгляд, необходимо рассмотреть речевую агрессию в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы. Взяв за точку отсчета позицию адресанта, мы попытались увидеть перлокутивный эффект агрессивного речевого поведения (оскорбление, нарушение этических норм) через анализ коммуникативно-прагматических установок адресанта.

Коммуникативно-дискурсивный подход позволяет, с одной стороны, выявить общие принципы и установки, которыми руководствуется говорящий при осуществлении данного типа речевого поведения, с другой стороны – определить, как данное явление, тесно связанное с социальными и психологическими факторами, в условиях определенного дискурса влияет на собственно коммуникативные, аксиологические и когнитивные аспекты коммуникации.

Речевая агрессия рассматривается нами как разновидность речевого поведения, параметры которого определяются дискурсивными показате-

лями. Мы исходим из того, что с позиций диалогического взаимодействия речевая агрессия – это установка на антидиалог. Деструктивность агрессивного речевого поведения проявляется как *сознательная* установка адресанта на субъектно-объектный тип отношений. Таким образом, в основе агрессивного общения независимо от типа коммуникации лежит двойная целеустановка адресанта:

1) выражение негативного отношения к адресату или референту высказывания (условно это можно обозначить как аффективный вектор речевой агрессии);

2) установка на субъектно-объектный тип общения с адресатом, которая проявляется в деструктивном (некооперативном) речевом поведении (прагматический вектор).

Рассматриваемый нами в качестве обязательного критерий намерения позволяет разграничить речевую агрессию и смежные явления: коммуникативную неудачу, манипуляцию, конфликт.

Подход к речевой агрессии с коммуникативно-прагматических позиций предусматривает исследование коммуникативных взаимодействий на оси адресант речи – адресат, их зависимость от речевой ситуации и дискурсного контекста, исходной прагматической установки говорящего, т.е. выводит нас на базовое для любого вида коммуникации понятие коммуникативного пространства. Сам термин *коммуникативное пространство* не имеет устойчивого и однозначного определения. Конкретизируя это понятие, мы рассматриваем его как зону реальных и потенциальных контактов каждого из участников коммуникации с точки зрения говорящего (адресанта). Вступая в коммуникативные отношения, каждый из участников общения обладает собственным видением процесса коммуникации, своей роли в нем, имеет свои ценностные ориентиры и представления о том или ином предмете речи.

Речевая агрессия в этом плане может рассматриваться как преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата. Эта деформация может осуществляться на речевом, аксиологическом и когнитивном уровне. В этой связи можно говорить о трех коммуникативно-прагматических типах проявления речевой агрессии.

I. Речевая агрессия в межличностной (интерперсональной) коммуникации может быть представлена как вторжение в речевое пространство адресата. Субъектом агрессии в данном случае является адресант, объектом – адресат, т.е. объект

речевой агрессии является участником коммуникации. Цель адресанта – навязывание собственного коммуникативного сценария. Он стремится захватить коммуникативную инициативу, присвоить приоритетное “право на речь” и тем самым превратить, в конечном счете, диалог в монолог. В данном случае оба вектора: аффективный и прагматический – направлены на один объект, поэтому эксплицитно может быть одна из целевых установок, а вторая выражена имплицитно. Например, адресант эксплицитно сообщает адресату о негативном отношении к нему при помощи инвективы (*дурак, хромой*), чтобы создать коммуникативную вертикаль, захватить коммуникативную инициативу.

II. Речевая агрессия может проявляться как агрессивное навязывание адресату негативного отношения к референту высказывания. В данном случае аффективный и прагматический векторы направлены на разные объекты. Объект негативного отношения в данном случае не представлен в коммуникации, но обозначен в речи. Таким объектом может являться конкретное лицо (персонифицированный объект) или группа лиц, объединенных по какому-либо признаку (множественный, но в принципе исчисляемый объект). По отношению к ним можно говорить о косвенной адресации речевой агрессии. По отношению к этим косвенным адресатам речевая агрессия проявляется как стратегия дискредитации. Коммуникативная интенция агрессивных высказываний в рассматриваемых ситуациях – стремление индуцировать у адресата негативное отношение к объекту высказывания. Коммуникативной перспективой такого вторжения в аксиологическое пространство адресата является разрушение реальных или потенциальных контактов между адресатом и референтом высказывания, т.е. сужение коммуникативного пространства адресата.

III. Речевая агрессия может представлять собой вторжение в когнитивное пространство. Суть ее заключается в том, что адресант стремится изменить представление адресата о предмете речи в негативную сторону и, как следствие, его место в картине мира адресата. Объекты речевой агрессии в данном случае объективно не могут быть представлены в коммуникации, поскольку представляют собой некое понятие с “размытым” смыслом (например, *государство, демократия* и т.п.). С точки зрения адресанта, такие объекты должны находиться в сфере ключевых интересов всего общества (связаны угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т.п.). Выбор объектов агрес-

сии адресант определяет, исходя из экстралингвистических факторов: установка на определенную идеологию, политическая, экономическая, культурная ситуация в обществе. Специфика данной разновидности речевой агрессии заключается в том, что на уровне отдельного высказывания в отдельно взятом дискурсе у говорящего практически нет шансов получить нужный перлокутивный эффект. Однако если данный объект действительно связан с интересами всего социума, и воздействие на массового адресата осуществляется многократно, множеством адресантов, через большое количество дискурсов, то первоначально нейтральное понятие, включенное в значительное количество контекстов с негативной модальностью, приобретает негативную социальную оценку, и это неизбежно влечет за собой негативизацию всего концепта. Следовательно, такой тип агрессии эффективен в массовой коммуникации.

Изменения внутри концепта могут быть связаны с актуализацией одного из компонентов смысловой структуры, с привнесением нового содержания в структуру концепта, с изменением соотношения смысловых компонентов. “Смысловый перекосяк” при употреблении в каждом конкретном случае в сумме приводит к изменению на уровне концепта. Этот процесс может быть обусловлен (или поддержан) экстралингвистической ситуацией (ср., например, изменение содержания концепта *немцы* во время Великой Отечественной войны), а может быть сознательно смоделирован в угоду определенной идеологии. (Достаточно вспомнить, например, как был представлен в период “холодной войны” концепт “Америка” в советском дискурсе (публицистическом, официальном, политическом.) Негативизация концептов, значимых для всего социума, может индуцировать скрытые или открытые социальные конфликты.

Мы отдаем себе отчет в том, что между различными типами речевой агрессии может существовать диалектическая связь. Вместе с тем основные параметры агрессивного речевого поведения определяются коммуникативно-прагматической установкой адресанта – своего рода коммуникативной сверхзадачей, которая, в конечном счете, формирует указанные типы речевой агрессии.

Таким образом, речевая агрессия рассматривается нами как коммуникативная реальность, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров, это конфликтогенное речевое поведение, которое приводит к конфликту не только на

уровне межличностного общения или к конфликту между прямым и косвенным адресатом, но и способно спровоцировать масштабные социальные конфликты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург: УрГУ, 1997.
2. Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2004.
3. Речевая агрессия в современной культуре // под общей ред. М.В. Загидуллиной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005.
4. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск: НГУ, 2004. – Вып. 7. – С. 257-263.
5. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. С. 35–43
6. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М.: Издательский центр “Academia”, 1996. С. 165.
7. Ротмайр Р. “Пробивные” стратегии на деловых переговорах как пример “положительной” завуалированной агрессивности // Агрессия в языке и речи: сб. науч. ст. / под ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2004. – С. 53–67.
8. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.] – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 562–564.
9. Юрислингвистика: Проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999.
10. Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.
11. Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
12. Юрислингвистика-4: Юрико-лингвистические дисциплины на юридических, филологических и журналистских факультетах российских вузов: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
13. Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.
14. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 217.
15. Якобсон Р. Выступление на первом международном симпозиуме “Знак и система языка” / Р. Якобсон // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 400–401.